

Введение

А. Методология и литература

§ 1. История философии

Задача философии — исследовать последние основания познания и бытия и постигнуть все реальное в его связи с этими основаниями. Попытки разрешения этой задачи образуют предмет, на который направлена история философии. Но они образуют предмет истории философии, лишь поскольку они соединяются в более крупные комплексы, в связные ряды развития. История философии должна показать, какие внешние причины привели человеческий дух к философским исследованиям, в какой форме люди впервые осознали задачи этих исследований и как принялись за их разрешение, как мышление с течением времени овладевало все более широкими областями, прибегало к все более новым постановкам вопросов и ответам на них, и как из многообразного повторения этого процесса проистекли все философские теории и системы, которые известны нам с большей или меньшей полнотой. Словом, она должна изобразить развитие философского мышления, начиная с его первых зачатков, в его исторической связи, со всей полнотой, которую допускает состояние наших источников.

Так как при этом дело идет о познании исторических фактов, и так как факты, которых мы сами не наблюдали, могут быть нам известны только из памятников прошлого, то история философии, подобно всякой другой истории, должна начинать с собирания прямых и косвенных источников, с проверки их происхождения и их достоверности, с установления фактов на основании источников. Но даже эта задача не может быть всецело разрешена, если не приять во внимание всю историческую связь, через которую только и может быть точнее определено и сполна удостоверено все единичное; и тем более понимание сложного исторического процесса возможно, лишь если мы будем не просто собирать отдельные факты в их отношениях одновременности и последовательности, но вместе с тем постигать и их причинную связь, — если мы будем объяснять каждое явление из его причин и условий и вскрывать его влияния на одновременные с ним и следующие за ним явления. Гипотезы и системы, с которыми имеет дело история философии, суть непосредственно создания отдельных лично-

стей, и, в качестве таковых, они должны быть объяснены отчасти из опыта, который явился поводом к их построению, отчасти из образа мыслей и характера их авторов, из убеждений, интересов и стремлений, под влиянием которых они были установлены. Но если бы даже наши источники давали нам возможность осуществить это биографическое и психологическое объяснение гораздо полнее, чем мы фактически можем это сделать, этого все же было бы недостаточно; ибо они открывали бы нам только ближайшие причины исторических явлений, оставляя, напротив, без внимания их более отдаленные причины и более широкую взаимозависимость.

Воззрения отдельных лиц — хотя и не у всех в одинаковой мере — все же зависят всегда от представлений, стремлений и чувств тех кругов, в которых питается их дух и под влиянием которых он развивается; и точно так же историческое влияние этих воззрений обусловлено тем, что они соответствуют потребностям своего времени и встречают признание своей эпохи. С другой стороны, эти воззрения не ограничиваются только их авторами; они распространяются и сохраняются в школах и посредством письма, из них образуется научная традиция; позднейшие мыслители учатся у более ранних, находят в их изучении повод к дополнению, дальнейшему развитию и исправлению их выводов, к постановке новых вопросов, к отысканию новых ответов и методов. Таким образом, философские системы, как бы своеобразны и самостоятельны они ни были, представляются все же всегда звеньями более широкого исторического течения; их можно сполна постигнуть лишь в связи с ним; их историческое влияние обуславливается — затрудняется или поощряется — этой связью и направляется ею по тому или иному пути; и чем далее мы прослеживаем это отношение, тем более все единичное сливается в общий комплекс исторического развития, и возникает задача не только постигнуть это целое из отдельных, обуславливающих его моментов, но точно так же объяснить эти моменты из их взаимной связи, т. е. вывести единичное из целого. Это, конечно, не может быть осуществлено посредством априорного построения исторических процессов из понятия той жизненной области, историю которой мы исследуем, или из идеи той цели, которая должна быть осуществлена этой историей. Напротив, чисто историческим путем, опираясь на источники, необходимо исследовать условия, под влиянием которых совершался исторический процесс, причины, по которым он возник, сцепление единичных фактов, которое получилось в его итоге. — Эти причины и условия, поскольку дело идет об истории философии, могут быть сведены к трем основным классам: к общему культурному состоянию каждой эпохи и каждого народа, к влиянию прежних систем на позднейшие и к индивидуаль-ному своеобразию отдельных философов. Если ограничиться при объяснении философских теорий только последним классом условий, то получается тот биографический и психологический прагматизм, о

котором мы говорили выше. Если исходить из соображения, что философия не есть изолированная область, а образует лишь одно из звеньев в общей жизни народов и человечества, — что в своем происхождении, дальнейшем развитии и общем характере она обусловлена религиозным и политическим состоянием, уровнем общей духовной культуры, развитием остальных наук, — то мы придем к попытке постигнуть ее из этих ее общих культурно-исторических условий. Если придавать решающее значение непрерывности научной традиции, внутренней связи и историческому взаимодействию философских школ и систем, то история философии представится замкнутым в себе процессом, с внутренней закономерностью движущимся вперед от определенной исходной точки; и наше понимание этого процесса будет зависеть от того, насколько полно нам удастся открыть в каждом позднейшем явлении логическое следствие предшествовавшего, и, следовательно, в целом — как это пытался сделать Гегель — открыть развитие, совершающееся с диалектической необходимостью. Но если этот момент и приобретает тем большее значение, чем более самостоятельной философия становится в своей области, то все же направление и характер философского мышления всегда обусловлены также остальными факторами. Только эти факторы в отношении своего влияния и значения не всегда распределены одинаково; напротив, временами сказывается с большей силой то творческое вмешательство выдающихся личностей, то зависимость позднейших систем от предшествовавших, то развитие общих культурных условий. Историк должен исследовать, какую роль в созидании исторических результатов следует приписать каждому из этих элементов в каждом данном случае, и на основе такого исследования он должен нарисовать картину исторического процесса и взаимозависимости явлений, из которых последний образуется.

§ 2. Греческая философия

Вопрос о причинах, которыми определяется мир и человеческая жизнь, занимал человеческий ум уже с самых ранних эпох и в самых различных местах. Но этот вопрос вызывался первоначально не столько влечением к познанию, сколько чувством зависимости от высших сил и желанием обеспечить себе их благоволение; и путь, на котором искался ответ на этот вопрос, был не путем научного исследования, а путем мифологической поэзии. Лишь у немногих народов из этой поэзии с течением времени возникли теологические и космологические умозрения, пытавшиеся достигнуть более широкой картины возникновения и устройства мира; но пока эти умозрения еще исходят из мифологического предания и удовлетворяются развитием и преобразованием мифических воззрений, их можно

признать только предшественниками философии, а не философскими теориями как таковыми. Философия начинается лишь там, где ощущается и удовлетворяется потребность объяснять явления из естественных причин. Эта потребность могла возникнуть самостоятельно в различных местах, когда даны были предварительные условия для нее; и действительно, мы встречаем у индусов и китайцев системы учений, которые достаточно удаляются от теологических представлений этих народов, чтобы иметь право называться их «философией». Но сильнее и с более длительным успехом, чем у обоих названных народов, идея рационального познания вещей проявилась у эллинов, и только от них одних идет непрерывная научная традиция вплоть до нас. Основатели греческой философии суть вместе с тем родоначальники нашей философии; знакомство с ними имеет поэтому для нас не только исторический, но и весьма существенный практический научный интерес; но и исторический интерес греческой философии настолько же превышает интерес всего, что дают остальные науки о древнем мире, насколько сама греческая философия своим духовным содержанием, своей научной завершенностью, своим богатым и последовательным развитием превосходит остальные стороны античной жизни.

§ 3. Источники. История философии у древних

Среди источников, которым мы обязаны нашим знанием древней философии, первое место, в качестве непосредственных источников, занимают сохранившиеся сочинения философов и отрывки из их утраченных произведений, поскольку они подлинны. Поскольку можно определить происхождение и время составления неподлинных произведений, ими можно пользоваться как аутентичными свидетельствами о точке зрения и взглядах кругов, в которых они возникли. К косвенным источникам принадлежат, кроме самостоятельных исторических работ о личности, жизни и учениях философов, также все труды, в которых они попутно упоминаются. Среди последних наиболее богатый материал дают, во-первых, компиляции, которые сохранили для нас отрывки из более древних писателей, как, напр., работы Афиня, Геллия и Элиана,* проларарскеυή εἰσαγγελία («Подготовление к Евангелию») Евсевия (около 330 г. по Р. Х.), четыре книги ἐκλογῶν ἀποφθεγμάτων ὑποθηκῶν («Изборник изречений и наставлений») Иоанна Стобея (между 450 и 550 г. по Р. Х.), которые, поскольку они сохранились, разделяются в наших рукописях на «эклоги» и «Florilegium»¹,** и «Библиотека» Фотия (ум.

¹ Изданы Meineske в 4 томах (1855—1864); новое критическое издание Wachsmuth'a (т. 1 и 2, содержащие «эклоги») и O. Hense (т. 3, содержащий первую половину «Florilegium'a»; т. 4 еще не вышел). Берлин, 1884. 1886. 1894.

91 г.);* во-вторых же, такие научные работы, авторы которых для обоснования своих собственных мнений подробнее останавливаются на взглядах своих предшественников; этим приемом впервые, насколько нам известно, широко пользовался Платон, и еще гораздо более обстоятельно — Аристотель, позднее же ряд писателей, как Филодем, Цицерон, Сенека, Плутарх, Гален, Секст Эмпирик, Нумений, Порфирий, Ямвлих, Прокл, Филон Александрийский и христианские учителя церкви, напр. Юстин, Иринея, Климент, Ориген, Ипполит, Тертуллиан, Августин, Феодорит и др.**

Критическое обозрение учения своих предшественников, которое дал Аристотель в первой книге своей «Метафизики», послужило толчком к самостоятельной обработке истории философии, которую представил Феофраст в 18 книгах своих «Учений физиков» (φυσικαὶ δόξαι, называемых также «историей физики», φυσικὴ ἱστορία) и в многочисленных монографиях; тогда как Евдем исследовал историю арифметики, геометрии, астрономии и, быть может, также историю теологических идей. На «историю физики» Феофраста опираются, как показал Дильс (Diels, Doxographi Graeci, 1879), обзоры учений различных философов, которые дал Клитомах (около 120 г. до Р. Х.) в связи с написанной Карнеадом критикой философских систем и которые, по-видимому, составляли главный источник для позднейших скептиков; на то же сочинение Феофраста опирается и обработка «Placita» («Мнений философов»), которая была составлена неизвестным автором, быть может, Посидонием, в первой половине I века до Р. Х. и которою пользовались уже Цицерон и Варрон. Извлечение из этой книги в значительной мере сохранилось для нас в Псевдо-Плутарховых «Placita philosophorum» («Мнениях философов»), в эклогах Стобея (см. выше) и в Ἑλληνικῶν παιδιᾶτων θεραπειτικῇ (IV, 5 и сл.) Феодорита (ум. 457).*** Автором этого извлечения Феодорит признает Аэция;¹ время его составления, по-видимому, приходится на первую треть 2-го века по Р. Х., время составления Плутарховых «Placita» — на середину того же века. Из сокращения Феофрастовых δόξαι **** черпал, по-видимому, около 150 г. по Р. Х., автор Псевдо-Плутарховых στρωματεῖς ***** (отрывки из которых у Euseb. pr. ev. I, 8) и из подобных же извлечений черпали два доксографа, ***** использованные Ипполитом (αἰρέσεων ἐλεγχο, («Опровержение ересей»), кн. I, прежде называвшиеся «Philosophumena» Оригена *****) и Диоген Лазарций. ***** Дальнейшие следы этой литературы можно найти у отцов церкви Иринея (около 190 г.), Климента (ок. 200 г.), Евсевия (ум. около 340), Епифания (ум. 403), Августина (ум. 430); последние,

¹ Дильс (Doxogr., стр. 273 и сл.) восстановил «Aëtii Placita» из Псевдо-Плутарха и Стобея, тексты которых он сопоставил в двух столбцах. По этому сопоставлению мы ниже цитируем.

дошедшие до нас осколки ее суть Псевдо-Галеново сочинение περὶ φιλοσόφου ἱστορίας («Об истории философии») * и διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων («Осмеяние языческих философов») Гермия. В значительной мере из неисторических мотивов возникло синкретическое изложение академического, перипатетического и стоического учения, с помощью которого академик Антиох из Аскалона (ум. около 70 г. до Р. Х.) пытался обосновать свой эклектизм; за ним следовал в том же направлении в конце века академик Евдор и эклектический стоик Арий Дидим (отрывки из него у Diels, Doxogr. 445 и сл., Stob. Ekl. II, стр. 37 и сл.; Wachsm; ср. § 81.

Параллельно с этими историко-философскими обзорами воззрений философов идет ряд других сочинений, которые биографически изображали отчасти отдельных мыслителей, отчасти философские школы, и сочетали изложение учений со сведениями о жизни философов (общие же учения школы — со сведениями об их основателях). Сюда принадлежат уже «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта и то, что может считаться историческим в диалогах Платона, равно как потерянные сочинения платоников Спевсиппа, Ксенократа, Филиппа и Гермодора об их учителе, сочинение Гераклида Понтийского о пифагорейцах и пифагорейца Ликона (около 320 г.) о Пифагоре. Но и эта отрасль историко-философской литературы имела свое главное средоточие в перипатетической школе и среди родственных последней александрийских ученых. Имеются сведения, что уже Аристотель и Феофраст составляли монографии об отдельных философах и извлечения из их сочинений; и такие же работы приписываются аристотелевцам Дикеарху, Аристоксену Βίοι ἀνδρῶν («Жизни мужей»), Πυθαγορικά ἄποφάσεις («Пифагорейские мнения»), Клеарху, Фанию. Около 250 г. до Р. Х. знаменитый Каллимах из Кирены составил в Александрии свой большой историко-литературный труд, важный и для истории философии: πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμπάντων καὶ ὧν συνέγραψαν («Списки выдающихся ученых всех областей знания и их сочинений»); около 240 г. Неанфиз Кизика написал сочинение περὶ ἐνδοξῶν ἀνδρῶν («О знаменитых мужах»); около 225 г. Антигон из Кариста — свои Βίοι («Жизнеописания»),** около 200 г. перипатетик Гермиппὸς Καλλιμάχειος *** написал также Βίοι, богатый источник биографических и историко-литературных сведений для позднейших писателей, и аристарховец Сатир, также перипатетик, **** — свои Βίοι; вскоре после этого Сотийон ***** написал свою διαδοχὴ τῶν φιλοσόφων («Преемство философов»), которая имела решающее значение для разделения отдельных философов по школам; выдержки из обоих последних сочинений составил Гераклид Лемб (около 180—150 г.). После него перипатетик Антисфен (вопрос об его тождестве с одноименным историком из Родоса остается спорным) написал φιλοσόφων

διαδοχαί; одноименный труд Сосикрата следует, по-видимому, отнести к эпохе Цицерона.* К академической школе принадлежал Аристипп (около 210 г. до Р. Х.), который писал περὶ φυσιολόγων («О физиологах»); из этой же школы произошел труд Клитомача περὶ αἰρέσεων («О философских школах»), быть может, тождественный с упомянутым на стр. 24 произведением. Из стоической школы вышел Эратосфен (284—204), знаменитый ученый, хронологические определения которого имели значение и для истории философии; к нему во многих отношениях примыкал его товарищ по школе Аполлодор (около 140 г. до Р. Х.) в своих «Хрониках», — богатом источнике для позднейших писателей (отрывки из них собраны F. Jacobi, 1902); напротив, остается спорным, в какой мере носили исторический характер работы Клеанфа и Сфера об отдельных философах и сочинение Панэтия о философских школах. Эпикур также, по-видимому, в своих суждениях о прежних философах был чужд историческим задачам; из его школы нам известны некоторые работы, ставившие себе эти задачи: не заслуживающее доверия сочинение Идоменея (около 270 г. до Р. Х.)** о последователях Сократа, συναγωγή τῶν δογμάτων («Сводка учений») и жизнь Эпикура, написанные Аполлодором (около 120 г. до Р. Х.), σύνταξις τῶν φιλοσόφων («Порядок философов») Филодема (около 50 г. до Р. Х.), из которой, по-видимому, заимствованы два найденных в Геркулануме списка академических и стоических философов. Младшими современниками Филодема являются магнесийцы Деметрий и Диокл, из которых первый писал об одноименных лицах, второй составил ἐλθρομή τῶν φιλοσόφων,*** и стоик Аполлоний Тирский,**** которому приписывается биография Зенона; немного старше их Александр Полигистор, который написал историю философских школ (φιλοσόφων διαδοχαί) и объяснение пифагорейских символов. Не ранее 70 г. до Р. Х. Гиппобот написал свой указатель философов и сочинение περὶ αἰρέσεων;***** около 70 г. по Р. Х. Никий из Никеи написал διαδοχαί. Начиная с 1-го века нашей эры неоднократно излагались в неопифагорейской школе жизнь и учение Пифагора, но некритически и без исторического понимания: так, в 60—80 г. по Р. Х. Модератом и Аполлонием Тианским, около 130 г. — Никомачом. Много указаний по истории философии дают сочинения Фаворина (см. ниже § 89 в конце); отрывки из критического обзора философских систем, составленного перипатетиком Аристоклом (около 180 г. до Р. Х.), сохранились у Евсевия. Вообще, преобладающее большинство приведенных выше сочинений по истории философии известно нам только в виде отрывков и из отдельных цитат; значительная часть таких цитат содержится в десяти книгах Диогена Лаэртция о жизни и учениях выдающихся философов. Как небрежно и некритично составлена эта компиляция, относящаяся, вероятно, ко 2-й четверти 3 века по Р. Х. и являющаяся, быть может,

обработкой извлечений из Никия (см. выше),¹ все же, так как большинство более старых источников потеряны, сообщаемые ею сведения для нас неоценимы; эти сведения в большинстве случаев заимствованы из вторых и третьих рук; но весьма часто Диоген называет источники, из которых черпал он или приводимые им авторы. Среди неоплатоников честь изучения древних философов (вплоть до Платона) принадлежит ученому Порфирию (около 232—304 г. по Р. Х.), который, помимо своих комментариев, написал φιλόσοφος ἱστορία,* из коей сохранилось жизнеописание Пифагора; введением в догматическую работу служила подробная биография Пифагора, составленная учеником Порфирия Ямвлихом. Для истории неоплатоновской школы главным источником являются Βίοι σοφιστῶν («Жизни софистов», т. е. философов и риториков) Евнапия (около 400 г. по Р. Х.); позднейшую историю этой школы излагала φιλόσοφος ἱστορία Дамаския (около 520 по Р. Х.), отрывки из которой сохранились.** После 550 г. Гесихий из Милета написал свою работу περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαψάντων,*** из которой заимствованы статьи о древних философах в словаре Суды (между 1000 и 1150 г. по Р. Х.);**** сочинение же, которое дошло до нас под именем Гесихия, есть позднейшая византийская компиляция из Диогена и Суды; мнимое «Violarium»***** царицы Евдокии (1060—1070), по-видимому, относится даже к 16-му веку.

Среди наших источников для изучения древних философов значительное место занимают также произведения, посвященные толкованию их трудов. Как рано стала ощущаться потребность в таких объяснительных работах, — это видно уже из того, что академик Крантор (около 280 г. до Р. Х.) комментировал «Тимея» Платона, стоик Клеанф (около 280 г.) — произведение Гераклита, а грамматик Аристофан из Византия (около 200) распределил по трилогиям сочинения Платона. Но расцвет деятельности комментаторов начинается лишь с середины 1-го века до Р. Х. В это время Андроник Родосский, издатель трудов Аристотеля и Феофраста, положил начало в перипатетической школе ученому исследованию сочинений Аристотеля; от него вплоть до знаменитого экзегета Александра из Афродисии (около 200 г. по Р. Х.) идет ряд ученых, которые исследовали сочинения Аристотеля и писали частью комментарии к ним, частью введения и резюмирующие работы. Вскоре после Андроника приобрели известность своими работами о Платоне Дерклид и Евдор, несколько позднее — Фрасилл, а со времени Плуларха академическая школа стала столь же усердно комментировать Платона, как перипатетическая школа — Аристотеля. Неоплатоники (и еще ранее их — отдельные ученые) посвящали себя

¹ Об источниках Диогена см. теперь Grönert, Kolotes und Menedemos, стр. 133 и сл.

с равным усердием изучению обоих мыслителей вплоть до 6-го века. Из дошедших до нас комментариев (те из них, которые относятся к Аристотелю, были вновь изданы Берлинской академией наук) выдающееся значение для истории философии, особенно благодаря приводимым в них отрывкам из философских сочинений, имеют комментарии Александра к «Метафизике» Аристотеля и комментарии Симплиция (около 530 по Р. Х.) к «Физике» и к книгам о небе; наряду с ними существенны остальные пояснительные работы обоих этих экзегетов, а также работы Иоанна Филопона (около 530) об Аристотеле и Прокла (410—485) о творениях Платона.

§ 4. Новые пособия

Из новых работ о греческой философии мы упомянем здесь лишь относящиеся к последним двух столетиям, и притом лишь те, которые либо имеют особое значение для истории нашей науки, либо же служат полезными пособиями для ее изучения в настоящее время. Среди них, в качестве основополагающей работы, следует прежде всего назвать «Historia critica philosophiae» Брукера (Brucker, 1742 и сл.; древней философии посвящены т. 1 и 2), выдающееся ученое и критическое исследование, хотя точка зрения исторической оценки не возвышается над уровнем времени; наряду с ней соответственные отделы из «Bibliotheca Graeca» Фабрициуса (Fabricius, 1905 и сл., значительно дополненное издание Harless'a, 1790 и сл.). В конце 18-го и в начале 19-го века история философии во всем ее объеме была изложена в трех обстоятельных работах: в «Geist der speculativen Philosophie» Тидемана (Tiedemann, 1791—97), в «Lehrbuch der Geschichte Philosophie» Буле (Buhle, 1796—1804) и в «Geschichte der Philosophie» Теннемана (Tennemann, 1798—1819; т. I, редактированный Wendt'ом, 1829). Каждая из этих работ имеет свою ценность; долее всех сохранила заслуженную репутацию работа Теннемана, несмотря на то, что ее исторические суждения односторонне определяются точкой зрения Канта. Наряду с ними следует отметить, как существенные для древней философии, труды Мейнерса (Meiners, «Geschichte der Wissenschaften in Griechenland und Rom» 1781 и сл.) и Филлеборна (Fülleborn, «Beiträge», 1791 и сл.). Вскоре после этих работ стало обнаруживаться влияние послекантовской философии и нового духа, который проник в изучение классической древности. Шлейермахер своими исследованиями о различных греческих философях (Werke zur Philosophie, 2 и 3 т.т.), в особенности же своими введениями и примечаниями к переводу Платона («Platons Werke» 1804—1828), за которыми после его смерти последовала сжатая, полная своеобразных воззрений «История философии» («Geschichte der Philosophie», 1839, Werke, zur Philosophie т. 2 стр. 1), представил обра-

зом исторических исследований, более глубоко проникающих в своеобразие древних философов и внутренний механизм их мышления; такое же значение имел Бёк (Böckh) своими классическими трудами о Филолае (1819) и Платоне (помимо других работ, опубликованных между 1807—1865 г. и напечатанных в т. 3 «Kleine Schriften», особенно «In Plat. Minoem», 1806; «Untersuchungen über das kosmische System der Plato», 1852). Лекции Гегеля по истории философии (изданные после его смерти в 1833 и сл. 1840 и сл. в т. 13—15 «Собрания сочинений»), правда, подчеркивают несколько односторонне диалектическую необходимость возникновения позднейших учений из предшествовавших; но они имели большое значение для научного понимания и исторической оценки философских систем. К Шлейермахеру примыкают по своему общему направлению ценные труды Риттера (Ritter, «Geschichte der Philosophie», т. 1—4, 1829 и сл., 1836 и сл.) и Брандиса (Brandis, «Handbuch der Geschichte der griechisch-götischen Philosophie», 3 части в 6 томах, 1835—1866). Занять посредствующее место между ученым изысканием и умозрительным историческим пониманием, приобрести, на основании источников, с помощью критической проверки и исторического синтеза, понимание значения и связи единичных фактов — таковая задача, которую ставит себе моя «Греческая философия» (E. Zeller, «Philosophie der Griechen», 1 изд. 1844—1852; 3 изд. 1869—1882; ч. 1, 5 изд. 1892; ч. IIa, 4 изд. 1888; ч. III b. 4 изд. 1903). Более короткое изложение, с точки зрения школы Гербарта, дал Штрюмпелль (Strümpell, «Gesch. der theoretischen Philosophie der Griechen» 1854, «Gesch. der praktischen Philosophie d. Griechen», 1861). Изображение греческой философии в ее связи со всеми другими областями жизни есть руководящая мысль работы Гомперца (Gomperz, «Griechische Denker», т. I: Die Vorsokratiker, 1896, 2 изд. 1903 (есть русск. пер.: Гомперц, Греческие мыслители, т. I. 1911, изд. Д. Е. Жуковского); т. II: Socrates und Platon, 1901, 2 изд. 1903; т. III: Aristoteles und seine Nachfolger, 1909). У Дёринга (Döring, «Gesch. d. griech. Philosophie» (2 т. 1903) античная философия по своему основному характеру рассматривается, как учение о благе. Древнейшую философию до Платона рассматривает Кюнеман (E. Kühnemann, «Grundlehren der Philosophie», 1899), с неокантианской точки зрения — Кинкель (W. Kinkel, «Gesch. d. Phil.», Tl. I: «Von Thales bis auf die Sophisten», 1906). Среди негерманских ученых, содействовавших изучению греческой философии в новейшее время, следует особенно подчеркнуть имена Кузена (V. Cousin, 1792—1867; «Fragments philosophiques», «Introduction à l'histoire de la philosophie» и «Histoire générale de la philosophie») и Грота (George Grote, 1794—1871; относящиеся сюда части его «History of Greece», в особенности т. VIII, «Plato» (1865) и незаконченный труд «Aristotle», 1872). Для досократовского периода существенное значение имеют работы Таннери (Tannery, «Pour

l'histoire de la science hellène», 1887; есть русск. пер.: Таннери, «Первые шаги древнегреческой науки», СПб. 1902; в приложении переведены избранные отрывки из древних философов) и Бёрнета (I. Burnet, «Early greek philosophy» 1892). Из многочисленных учебников по нашей науке приведем здесь следующие: Brandis, «Gesch. der Entwicklungen der griechischen Philosophie» (1862; 1864). Preller (прежде: Ritter und Preller), «Historia philosophiae graeco-romanae ex fontium locis contexta» (1838; 7 изд. [Schultess und Wellmann] 1888; 8 изд. [Wellmann] 1898). Schwegler, «Gesch. d. Philosophie im Umriss» (изд. Köstlin'ом, 1859; 4 изд. 1886). Ueberweg, «Grundriss der Gesch. d. Philosophie» (1 ч. 1862; 9 изд. M. Heinze, 1903). I. Erdmann, «Grundr. der Geschichte d. Philosophie» (1 ч. 1866; 4 изд. [B. Erdmann] 1896). Lewes, «History of Philosophy» (т. I, 1867; есть русск. пер.: Льюис, История философии). Windelband, «Gesch. d. alten Philosophie» (1888; 2 изд. 1894; есть русск. перевод: Виндельбанд, История древней философии, 3 изд. под ред проф. Введенского, СПб. 1902; пер. М. Рубинштейна, М. 1910). Его же, «Gesch. d. Philosophie» (1892; 4 изд. 1908; русск. пер. «История философии», СПб., 1898). Rehmke, «Grundr. d. Geschichte der Philosophie» (1896, стр. 1—86; русск. пер. Н. О. Лосского: Ремке, Очерк истории философии. СПб., изд. Поповой). Vorländer, «Geschichte d. Philosophie» (2 т. 1903; 2 изд. 1908; есть русск. пер. 1-го тома: Форлендер, История философии, СПб. 1911, пер. под ред. В. А. Савальского). Baumann, «Gesamt-Geschichte der Philosophie» (1903). Историю отдельных философских проблем и учений излагают: Prantl, «Geschichte der Logik im Abendlande» (т. I; 1855). Natorp, «Forschungen zur Geschichte des Erkenntnisproblems» (1884). Dilthey, «Einleitung in die Geisteswissenschaften» (т. I; 1883). Bender, «Mythologie und Metaphysik» (т. I; 1899). Eucken, «Die Anschauungen der grossen Denker» (1890; 6 изд. 1905). Lange, «Geschichte der Materialismus» (1 ч. 2 изд. 1873; 7 изд. 1902; есть два русск. пер.: Ланге, История материализма, пер. Страхова, и пер. под ред. Вл. Соловьева). Baumker, «Das Problem der Materie in der griech. Philosophie» (1890). Ch. Huit, «La philosophie de la nature chez les anciens» (1901). Heinze, «Die Lehre vom Logos in der griech. Philosophie» (1872). Aall, «Geschichte der Logos-Idee in der griech. Philosophie» (2 ч. 1896; 1899). Siebeck, «Geschichte der Psychologie» (1 ч. 1 отд. 1880; 2. 1884). E. Rohde, «Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglauben der Griechen» (1897; 3 изд. в 2 т. 1903). P. Decharme, «La Critique des traditions religieuses chez les Grecs» (1904). Ziegler, «Gesch. d. Ethik» (1 ч. 1881). Köstlin, «Gesch. d. Ethik» (1 ч. 1887). L. Schmidt, «Die Ethik der alten Griechen» (2 т. 1882). Hildebrand, «Geschichte und System d. Rechts und Staatsphilosophie» (т. I. 1860). Pöhlmann, «Geschichte der antiken Kommunismus» (2 т. 1892. 1901). Walter, «Geschichte der Aesthetik im Altertum» (1893). Греческих доксографов издал, исследовав их

источники, Дильс (Diels, «Doxographi Graeci», 1879).* Литературу «Флорилегиев»** исследовали Ваксмут (Wachsmut, «Studien zu den griechischen Florilegien» 1892; об его издании «Эклог» Стобея см. выше стр. 24) и Эльтер (Elter) в ряде работ. Научно неудовлетворительное, но доселе самое обширное собрание отрывков древних философов, изданное Муллахом (Mullach, «Fragmenta philosophorum Graec.»), 3 ч. 1860; 1867; 1881), теперь в значительной части может быть заменено строго критическим собранием фрагментов, составленным Дильсом (Diels, «Fragmente der Vorsokratiker» 1903; 2-ое, дополненное комментарием и двумя указателями — изд. в двух томах 1906, 1907; т. 3 должен дать подробный указатель слов).¹ Важнейшие монографии об отдельных философах и их учениях будут указаны в своем месте; их жизнь и сочинения излагаются также в учебниках истории литературы и всеобщей истории. Многократно затрагиваются также их учения в работах, посвященных истории античной математики, астрономии, медицины, географии, языковедения и религии.

Главнейшие пособия на русск. языке (помимо уже приведенных в тексте русских переводов иностранных пособий):

А р н и м. История античной философии, пер. С. И. Поварнина. СПб. 1910 (то же сочинение переведено в составе «Общей истории философии» под ред. проф. А. И. Введенского и Э. Радлова, СПб. 1911).

К н. С. Н. Трубецкой. История древней философии. Ч. I. М. 1906. Ч. II. М. 1908 (незакончена).

Его же. Метафизика в древней Греции. М. 1890.

Его же. Учение о Логосе. М. 1900.

Ф. А. Зеленогорский. Очерки по истории древней философии, 1909.

П. Г. Редкин. Из лекции по истории философии права.

Б. Н. Чичерин. История политических учений.

Его же. Политические мыслители.

П. И. Новгородцев. Лекции по истории философии права.

В. Историческое введение

§ 5. Возникновение греческой философии: мнимое восточное ее происхождение

Старое предание утверждает, что некоторые из самых выдающихся греческих философов, Пифагор, Демокрит, Платон и др., заимствовали свои научные теории от восточных народов. Уже во времена Геродота египтяне пытались внушить грекам, что они (египтяне) суть родоначальники греческой религии; а с 3-го века до Р. Х. мы встречаем мнение, которое, быть может, было впервые высказано во-

¹ Ниже мы цитируем по 2-му изданию сборника Дильса.

сточными народами, но вместе с тем было охотно воспринято и развито греками, — что вся греческая философия или, по крайней мере, многие из наиболее влиятельных ее учений и систем ведут свое происхождение от Востока. То же самое притязание выставляли иудеи александрийской школы, начиная со 2-го века до Р. Х., в отношении пророков и священных писаний своего народа; и христианские ученые, начиная с Климента и Евсевия вплоть до конца средних веков, верили им. В настоящее время эти иудейские басни, правда, всеми оставлены; напротив, предположение о восточном происхождении греческой философии, как таковой, постоянно находит себе защитников; в качестве ревностных его приверженцев в середине прошлого века выступили Рёт (Röth, «Geschichte der abendländischen Philosophie», т. I. 1846, 1862; т. II. 1858) и Гладис (Gladisch, в ряде сочинений, начиная с 1841 г.; ср. «Philosophie der Griechen», I, стр. 27 и сл.). В последние десятилетия снова неоднократно делались попытки вывести учения отдельных греческих философов из взглядов восточных народов, напр., учение Гераклита — из Египта, учение Пифагора и Демокрита — из Индии; а в последнее время проявляется стремление обнаружить вавилонские влияния в греческой философии.

Конечно, предки эллинов принесли со своей прежней родины, вместе с древнейшей формой языка, и некоторые религиозные и нравственные представления, которые родственны представлениям остальных индогерманских народов; и на своей новой родине они в течение многих веков испытывали влияние своих восточных соседей, и лишь под этим воздействием из древнепеласгийской народности * возник позднейший эллинский народ. Их ближайшими учителями, по видимому, были преимущественно финикийцы, более отдаленными же — вавилоняне и египтяне. Восточные культы и боги слились с древнегреческими или заняли место рядом с ними; о восточных наставниках и образцах свидетельствуют древние царские дворцы и могилы, крепости и гидравлические постройки догомеровской эпохи, как и первые начатки пластического искусства; от финикийцев греки получили свой алфавит и у них они научились искусству письма; вместе с мерами, весами и монетами к грекам проникли с востока и начатки арифметики и землемерного искусства, вместе с усовершенствованием мореплавания — начатки астрономии. Напротив, нельзя доказать, что они заимствовали отсюда же свои философские учения и методы (если оставить в стороне единичные явления позднейшего времени). Как бы часто мы ни встречали такое утверждение у писателей александрийской и послеалександрийской эпохи, однако никто из этих писателей не может при этом сослаться на достаточно достоверные сведения, основанные на фактах; наоборот, здесь обнаруживается удивительное явление: свидетельства в пользу этого утверждения все более смолкают, чем более мы приближаемся по времени к этим мнимым предшественникам, и становятся тем обильнее, чем более мы

от них удаляемся; странно также и то, что по мере знакомства греков с более отдаленными восточными народами возрастают в числе и мнимые учителя их древнейших философов. Такое положение вещей явственно свидетельствует, что позднейшие указания не опираются на историческое воспитание, что они суть не свидетельства, а только догадки. Если, с другой стороны, пытаются вывести зависимость греческой философии от восточных умозрений из факта их внутреннего сродства, то и эта видимость исчезает, раз только мы будем понимать то и другое в их исторической определенности и не приписывать ни грекам, ни восточным народам того, что было вложено в их учения лишь позднейшими толкованиями. Тогда оказывается, что сходство между ними ограничивается такими пунктами, для объяснения которых нет надобности в допущении, что греческие философы черпали свои учения целиком или отчасти из восточных источников. — Это допущение, однако, не только недоказуемо, но против него говорят весьма сильные положительные основания. Восточные народы, с которыми греки приходили в соприкосновение вплоть до эпохи Александра, — согласно всему, что нам известно — имели, правда, мифологии и мифические космогонии; но ни один из них не обладал философией, ни один не пытался дать естественное объяснение вещей, которое могло бы служить греческим мыслителям источником или образцом для их собственных объяснений. И если бы даже у них можно было найти кое-что по философии, то уже трудность взаимного понимания полагала бы великие преграды перенесению этих учений к эллинам. С другой стороны, греческая философия носит всецело национальный характер; в ней, и именно у ее древнейших представителей, не обнаруживается ни одно из явлений, которые в других случаях всегда встречаются, когда народ заимствует свое знание из-за границы: в ней нет никакой борьбы между местным и чужим, нет употребления непонятных формул, нет ни следа несамостоятельного заимствования и подражания воспринятому; и в то время, как у восточных народов наука была всецело монополией класса жрецов и потому зависела от его уставов и традиций, — не только греческая философия с самого начала выступает с полной свободой и самостоятельностью, но у греческого народа вообще отсутствует собственное сословие жрецов и иерархия, — более всего отсутствует именно в первичную эпоху его истории. Если, наконец, мы выслушаем самых старых и достоверных свидетелей, то Аристотель (Metaph. I, 1. 981 в 23) хотя и приписывает египтянам первое открытие математических наук, но нигде не упоминает об египетских или каких-либо иных восточных философских учениях, как ни тщательно он разыскивает все следы позднейших учений у более ранних авторов; в эпоху Геродота даже сами греческие жрецы еще не думали о том, что философское знание могло перейти от них к грекам; Демокрит (у Климента, Strom. I, 15, 69 стр. 356 и сл. Р, I 153 и сл.) утверждает, что и в геометрии

египетские ученые не превосходили его по знаниям,¹ а Платон (Государство IV, 435 E; Законы V, 747 C) приписывает египтянам и финикийцам *φιλοχρησίων* (любовь к наживе), эллинам же — *φιλομαθές* (любовь к знанию).

§ 6. Исконные источники греческой философии*

Подлинными причинами возникновения греческой философии являются в счастливой одаренности греческого народа, в возбуждающем действии на него географического положения и истории, в пути, по которому развивалась его религиозная, нравственная, политическая и художественная жизнь вплоть до той эпохи, когда мы встречаем в Греции первые попытки научного творчества. Ни один народ древности не обнаружил наличия в нем с самого начала такого богатства и многосторонности дарований, как эллины; ни в одном народе практическая умелость и энергичная действенная сила не сочеталась с таким тонким чутьем красоты, с таким живым и глубоким влечением к знанию, здоровый реализм — с таким обилием идеализма, зоркое восприятие единичного — с таким характерным влечением к упорядоченной и живой связи между всем единичным, к созиданию прекрасного и гармоничного целого. Этому прирожденному богатству благоприятствовало, далее, географическое положение, которое доставляло греческому развитию многообразные источники и вспомогательные средства, но вместе с тем приносило эти дары лишь тем, кто умел добывать их собственной деятельностью. Расположенные на мосту, соединяющем Азию с Европой — на островах и извилистых берегах с умеренно-плодородной почвой, — греки были вынуждены находиться в живейших сношениях между собой и с своими соседями; часть этих соседей, пока они превосходили греков своим могуществом и культурой, оказывала продолжительное влияние на них (см. стр. 32); но греки умели также вовремя освободиться от этого влияния, вытеснить или эллинизировать чужестранцев, открыв, с помощью грандиозной колонизации, широкую арену для деятельности собственной национальности. Так в небольших общинах эллинских городов, рука об руку с ростом торговли и благосостояния, уже рано развились основы культуры, которая и сама по себе, и по своему историческому влиянию, является единственной. Те воззрения на природу, из которых исходило богопочитание доэллинской эпохи, были этически углублены и художественно преобразованы; боги были возвышены до значения нравственных сил, идеалов человеческой деятельности и человеческих отношений; и если религия, как таковая, и в мистериях, и

¹ Дильс признал теперь с большим основанием этот отрывок подложным (ср. «Vorsokratiker», II, стр. 727 и сл.).

в публичном культе не вышла за пределы антропоморфического политеизма,* то она все же содержала в себе жизнеспособные зародыши, которые достаточно было только развить, чтобы вывести их за эти пределы. И так как в религии дело шло скорее о культе, чем об учении, так как в ней не было однородной и общепризнанной догматики, а была лишь мифология, сохранившаяся в самых многообразных вариантах и оставшаяся постоянно в текучем состоянии благодаря живой фантазии народа и его поэтов, и главное, — так как не существовало строго организованной, снабженной внешней властью касты жрецов, — то религия в общем и целом не препятствовала свободному движению и прогрессу мышления у греков, несмотря на покушения, которым подверглись Анаксагор, Протагор и Сократ (Аристотель вряд ли может быть отнесен сюда);** и во всяком случае встречавшиеся здесь препятствия совершенно несравнимы с теми, которые мышлению приходилось преодолевать в восточных царствах и в средние века. В большинстве греческих городов древние аристократии — часто после более или менее длительного, в общем весьма полезного для культуры господства «тиранов»*** — были вытеснены или ограничены более демократическими учреждениями; и именно в тех частях эллинского народа, которые более всего совершили для его науки — в ионийских и италийско-сицилийских городах, как и в Афинах — гражданская жизнь получила самое свободное развитие. Но не менее важным для возникновения и развития греческой науки было то уважение к порядку и закону, то подчинение отдельных лиц целому, без которого не могли бы существовать республиканские устройства. Из свободы, в которой жизнь развивалась во всех своих проявлениях, научная мысль черпала ту независимость и смелость, которая восхищает нас уже в древнейших греческих философах. Чутье к порядку и закону, развившееся в практической жизни, требовало и в теоретическом мирозерцании, чтобы все единичное было объединено в целое и подчинено законам этого целого. Ясно, сверх того, настолько живая подвижность и многообразные запросы гражданской жизни должны были содействовать формальному упражнению мышления и речи, и какое значение должен был, в свою очередь, иметь этот прогресс для научной деятельности. Сходную услугу оказывала науке и поэзия, которая в течение четырех веков, предшествовавших первому возникновению греческой философии, получила богатое развитие в формах эпоса, лирики и дидактики: она подвела итоги теологическим, космологическим и этическим воззрениям греческих племен в изображениях и изречениях, которые современникам и потомству представлялись выражением общепризнанной истины; и она определила тем для зачинающей философии предпосылки, из которых последняя исходила и положительно, и полемически. Из научных стремлений, которые шли параллельно с философским миропостижением, наибольшее значение имели для последнего в раннюю эпоху, с одной стороны,

тесно связанные с ним математические и астрономические изыскания, и, с другой стороны, — анатомические и физиологические наблюдения мыслящих врачей.

§ 7. Развитие греческой мысли до шестого века

Рассмотрим теперь состояние, которого достигла греческая мысль до 6-го века в указанных отраслях. Прежде всего, теологические представления в общем, правда, как и следовало ожидать, остаются на почве традиционной гомеровской и гесиодовской мифологии; но все же у поэтов 7-го и 6-го века можно подметить следы постепенного очищения идеи Бога. Ярче выступает из среды многих богов Зевс, как единый представитель и хранитель нравственного миропорядка; и, с одной стороны, указывается на отличие божественной справедливости от человеческой (Солон, Fr. 12, 17 и сл., ed. Hiller), с другой же стороны, начинают высказываться сомнения в божественной справедливости (Феогида, около 540 г. V. 373 и сл.); и эти сомнения могли повести к критическому размышлению о традиционных представлениях. Однако потребность достигнуть более достойных представлений о Божестве начинает обнаруживаться более настоятельно и упорно лишь у поэтов 5-го века, когда философия уже начала свои нападения на народную веру. — Основой для космологических представлений служит теогония Гесиода,* к которой в общем довольно близки немногие сохранившиеся отрывки других изложений (Акусилай, мнимый Эпименид и др.),** как и орфическая теогония, которой пользовались Платон, Аристотель и Эвдем и которую Аристотель приписывает Ономакриту (около 520 г.);*** напротив, более знакомая нам, но еще неизвестная указанным философам и даже еще Хрисиппу т. н. рапсодическая теогония,**** как и ее позднейшие обработки, с их теологическим синкретизмом и аллегоризмом в духе стоической школы несомненно относятся к послеаристотелевской эпохе (последние, вероятно, к концу 3-го века). Однако, в этих древних космогониях в основе картины происхождения мира лежат лишь весьма простые восприятия и размышления, и еще не ставится вопрос о естественных причинах вещей. Несколько ближе к этому вопросу подходит Ферекид из Сирова (около 540 г.), который, однако, быть может, уже испытал влияние Анаксимандра. Он обозначал Зевса, Хроноса и Хтона, как первое и вечное, описывал, как Зевс одел землю в ее пестрое одеяние и рассказывал об одолении Офионея Хроносом и богами; в основе этого изображения, по-видимому, лежала мысль, что сотворение мира есть следствие воздействия небесного начала на земное, и что хаотические силы природы могли быть лишь постепенно обузданы. Но мифическая форма изложения скрывает мысль в за-

гадочных символах, и то, что должно было быть объяснено из причин, является все же непостижимым действием богов.

К воле богов сводились у греков, как и повсюду, также общепризнанные нравственные заповеди, и их ненарушимость основывалась на вере в справедливое возмездие богов. Эта вера приобрела значительно большую силу с тех пор, как на помощь ей пришли представления о посмертном бытии, — т. е. с тех пор, как представления о тенеподобном существовании в Гадесе,* которыми ограничивалась в гомеровскую эпоху вера в бессмертие, сменились учением о посмертном возмездии и заполнились более живым содержанием. Но если этот поворот начал постепенно совершаться, в связи с распространением мистерий, уже с 8-го и 7-го века, и если ему в особенности содействовали орфико-дионисийские мистерии своим догматом переселения душ, — то все же, по-видимому, господствующий образ мыслей вплоть до конца 6-го века не был особенно глубоко затронут верой в потусторонний мир, и сама эта вера была лишь средством привлечения к мистериям с помощью надежды и страха; по-видимому, лишь под влиянием пифагореизма эта вера получила более широкое распространение и была использована в своей чистой нравственной тенденции. — Но параллельно с этой религиозной постановкой нравственных вопросов идет — что, конечно, и не могло быть иначе у такого просвещенного и практичного народа, как греки — развитие чисто рассудочного морального размышления. Следы его можно подметить в гомеровских характеристиках и нравственных сентенциях, в правилах жизни Гесиода, вплоть до отрывков более поздних поэтов; ярче всего они выступают у «гноμισстов»** 6 века, у Солона, Фокилида и Феогида. На его развитие в эту эпоху указывает и то обстоятельство, что его представителями являются большинство лиц, причисляемых обычно к т. н. семи мудрецам. В остальных отношениях сказание о семи мудрецах (которое, быть может, первоначально возникло из литературного измышления; нам оно впервые встречается, но уже в качестве общепризнанного предания, у Платона (Protag. 343 A) совершенно неисторично: ложно не только то, что в нем сообщается о треножке семи мудрецов, об их изречениях, их собраниях и письмах, но и само допущение, что современники признали именно семь мужей мудрейшими. В обозначении этих семи мудрецов господствует также большое разногласие: мы знаем 22 таких имени из самых различных эпох; во всех перечислениях постоянно упоминаются лишь четыре имени: Фалес, Биас, Питтак, Солон; наряду с ними — чаще всего Клеобул, Мисон, Хилон, Периаандр, Анахарсис. На связь этой жизненной мудрости с зачатками греческой науки указывает та черта, что во главе «семи мудрецов» стоит личность, которая открывает собою ряд греческих физиков*** (Фалес).

§ 8. Характер и ход развития греческой философии

Будучи созданием эллинского духа, греческая философия отличается его характерными чертами; ее развитие идет параллельно общему развитию эллинского духа, она постепенно приобретает все большее значение и, со времени падения политической независимости Греции, становится руководящей силой в жизни греческого народа. Укрепившись в практической жизни, мышление, при первом пробуждении научной потребности, обращается к рассмотрению мира, частью которого чувствует себя грек и в которой он уже из своей религии научился почитать первичное откровение божественных сил. И научная мысль работает с тем наивным доверием к самой себе, которое вполне естественно для едва начинающегося изыскания, не ведающего предстоящих ему трудностей и не разочарованного заблуждениями, и которое особенно понятно в эллинском народе, чувствовавшем себя так привольно и отраднo в мире и состоявшем, в общем и целом, в непринужденных отношениях даже со своими богами. Поэтому греческая философия в первом своем периоде по своему предмету есть философия природы; ибо основной интерес ее направлен на вопрос происхождения и основаниях вселенной, вопрос же о природе и задаче человека затрагивается лишь в отдельных случаях и более в популярной, чем в научной форме. Она есть далее, по своему методу, догматизм, т. е. она пытается достигнуть познания объективного мира, не отдав себе предварительного отчета о задаче и условиях научного познания. Наконец, по своим выводам, она реалистична, и даже в известном смысле, хотя только бессознательно, материалистична; и лишь в конце этого периода Анаксагору уяснилось различие между духовным и телесным началом. Но уже вскоре, в связи с изменениями, происшедшими в состоянии и потребностях греческого народа с персидских войн, научный интерес начинает уклоняться в сторону от всех этих натурфилософских изысканий. — Софисты своим скептицизмом и эристикой * разрушают веру в познаваемость объектов и требуют, вместо этого, практически полезного знания, служащего интересам субъекта; но лишь Сократ впервые заложил основание не только для этой философии, но и для философии вообще.

Сократ, Платон и Аристотель возводят греческую философию на ее высшую научную вершину. Размышление над задачами и условиями знания ведет к развитию логики; физика дополняется, с одной стороны, этикой, и с другой стороны — метафизикой («диалектикой» Платона, «первой философией» Аристотеля); образование, разделение и сочетание понятий образует прочное ядро научных приемов; нечувственная сущность вещей, которая есть предмет отвлеченного мышления, их идея или форма, противопоставляется их явлению как высшая действительность; дух отличает себя, как мыс-

лящее существо, от своего тела; и если человек признает своей задачей развивать эту высшую часть самого себя и с помощью ее властвовать над низшими своими частями, то и творческая деятельность природы, согласно этому мнению, направлена на то, чтобы проявить в материи форму как цель своих творений. Эти воззрения выходят за пределы не только прежней философии, но и всей прежней точки зрения эллинского мирозерцания; здесь явственно разрывается та гармония между внешним и внутренним, то наивное единство духа с природой, которые составляли первичную предпосылку для классической красоты эллинской жизни; однако отчасти этот поворот был сам подготовлен развитием греческого народа, отчасти же и в этой фазе заметны черты, отличающие древнюю философию от новой. Через философию понятий (Begriffsphilosophie) Сократа и его последователей совершается в научной области прогресс, аналогичный прогрессу пластического искусства и поэзии в 5-ом веке в художественной области: из многообразия явлений выделяются неизменные формы вещей, в качестве их сущности, и в них усматривается истинный объект как художественного воплощения, так и научного познания: наука и искусство встречаются в своем устремлении к идеальному. И этот идеализм даже у Платона не имеет современного, субъективного характера: формы вещей не суть создания мышления, ни человеческого, ни божественного; напротив, они стоят перед созерцающим их духом, в качестве прообразов вещей, с пластической объективностью. Далее, хотя сократовская, и еще более платоновская этика выходит далеко за пределы древнегреческой точки зрения, но все же, как в своем эстетическом, так и в своем политическом характере, она всецело остается верой греческой нравственности; и если Аристотель вместе с Платоном возвышается над последней своим предпочтением научной деятельности, то все же его учение о добродетели имеет подлинно греческий характер; в согласии с общими воззрениями, он также исповедует связь этики с политикой, аристократическое презрение к материальному труду и заработку и противоположность между эллинами и варварами, сильнейшим выражением которой является его защита рабства. Платону и Аристотелю одинаково недостает более отчетливого понятия личности, и ее права находят себе у них, и в особенности у Платона, недостаточное признание. И не только Аристотель с живейшим интересом вновь обращается к естествознанию, но и Платону его идеализм не препятствует восхищаться красотой и божественностью видимого мира; оба сходятся в убеждении, что природа действует целесообразно, оба проникнуты эстетическим созерцанием и поклонением природе; и в этих чертах мы отчетливо распознаем отголосок воззрений, древнейшим продуктом которого была греческая религия природы.

Но с конца 4-го века в философии, как и в общем умонастроении греческого народа, начал совершаться глубокий переворот, под

влиянием условий, созданных завоеваниями Александра Великого. Интерес к естествознанию и к чисто теоретическим изысканиям вообще начинает явственно падать; наряду с академической и перипатетической школами — и вскоре решительно вытесняя их — выступают, в лице стоиков и эпикурейцев, философы, которые переносят центр тяжести своих исследований на этику; в физике, напротив, они примыкают к досократовским системам, усваивая и развивая из них лишь те элементы, которые имеют значение для нравственного и религиозного мирозерцания. Сама этика носит у стоиков и эпикурейцев, с одной стороны, характер индивидуализма, и с другой стороны, — характер отвлеченного космополитизма: как ни далеко расходятся между собой в остальных отношениях этические учения обеих этих школ, они одинаково требуют возвышения над границами национальности, независимости от всего внешнего, удовлетворения мудреца его внутренней жизнью. И в этом с ними сходятся и их современники скептики, которые только пытаются достигнуть той же цели на ином пути — на пути совершенного отказа от знания. Из взаимного общения этих школ между собой и с более старыми школами, под влиянием неоакадемического скепсиса и вместе с тем в борьбе против него, во втором веке до Р. Х. возникает тот эклектизм, который сильнее всего овладел академической школой, но нашел доступ и в стоическую, и в перипатетическую школы; скептицизм приобретает в школе Энесидема новое средоточие, а у неопифагорейцев и связанных с ними платоников эклектические тенденции эпохи в связи со скептическими ведут к созданию полувосточной философии, основанной на откровении; и эта философия развивается на почве отчасти греческого, отчасти иудейского эллинизма. В первые века после Р. Х. это мировоззрение получает все большее распространение, и в середине третьего века Плотин развивает его в широкую систему неоплатонизма, которая отчасти вытесняет, отчасти впитывает в себя все другие системы. С разрушением неоплатоновской школы в 6-ом веке греческая философия, как самостоятельное явление, исчезает с арены истории; отныне, смешавшись с чужеродными элементами и поставленная в услужение новых форм духовной культуры, она продолжает жить только в средневековой и новой науке.

Нельзя не видеть, что это развитие уводило греческую мысль все далее от ее первоначальных исходных точек. Тем не менее, глубокие и значительные черты показывают, что и позднейшие создания греческой мысли все еще произрастают на греческой почве. Какую бы резкую противоположность между разумом и чувственностью ни устанавливала стоическая этика, ее лозунгом остается все же жизнь в согласии с природой; в физике стоики возвращаются от платон-аристотелевского дуализма к гераклитовскому гилозоизму,* в своем телеологическом миропонимании** они сближаются с антропоморфизмом народной религии, а в своей теологии они считают себя

обязанными защищать воззрения, с которыми в действительности наука уже давно порвала. С другой стороны, Эпикур со своей механической физикой стоит в самом резком противоречии к народной вере и к телеологическому объяснению природы; но его эстетическая потребность влечет его к новому, хотя и весьма скудному учению о богах; и если его этика исключает политический элемент древнегреческой морали еще гораздо решительнее, чем стоическая этика, то его практический идеал — гармония чувственной и духовной жизни — стоит гораздо ближе к исконному эллинскому воззрению. Но и скептические школы не особенно удаляются от этого воззрения в своих практических принципах; и с другой стороны, они принимают невозможность знания, как естественную судьбу людей, со спокойствием, которое нелегко доступно христианской эпохе. Но даже то явление, которое громче всего возвещает переход греческого мира в христианский — неопифагорейское и неоплатоническое умозрение — все же ясно свидетельствует о своей связи с античным мирозерцанием. Как бы глубоко оно ни принижало видимый мир перед лицом невидимого, оно все же считает его исполненным божественных сил, в своем роде совершенным проявлением высшего бытия; оно защищает красоту мира против христианского презрения к природе, его вечность — против допущения творца; и та иерархия сверхчеловеческих существ, через которую божественные силы доходят до мира, и с помощью которой люди должны возвышаться до Божества, есть метафизическое отражение народного политеизма, последними защитниками которого были эти философы.